

Независимая газета

Большие перемены в отсутствие перемен

Или тихое приближение конца эпохи

2007-05-23 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

Президент Путин сейчас ведет себя, как мать, которая все тише и тише говорит засыпающему ребенку: «Я здесь, я никуда не уйду», – а сама потихоньку отходит от кровати. Путин внушает, что он вроде и уходит, и не уходит. Кто будет преемником – «вы потом узнаете». Эта таинственность соответствует его личному стилю, но этот стиль соответствует ситуации. Просто сказать «я уйду, а вы выбирайте кого хотите» Путин не может. Если бы он так сделал, в стране начался бы бедлам. Возникла бы психологически непереносимая ситуация: общество должно само выбирать власть, чего оно фактически никогда раньше не делало, не хочет, не умеет и не имеет для этого никаких инструментов, ибо партии в нем – не партии, парламент – не парламент, суды – не суды. Но даже если бы Путин сейчас ясно указал преемника, чтобы дать обществу привыкнуть к новой «безальтернативности», все равно это означало бы, что до 2008 года вся система власти будет находиться в нерабочем состоянии.

Для человека, который в нашей ситуации хочет уйти с поста президента, Путин действует совершенно правильно. Он, как истинный советский разведчик, не выдает военных тайн – имени преемника и названия своей будущей должности, заставляет гадать, кто будет преемником, и «гипнотизирует» общество таинственными заявлениями, что он и уходит, и не уходит. В конце концов загипнотизированное общество примет то, что ему уготовано.

Основное значение утверждений Путина, что он и уходит, и остается, – «успокаивающее». Общество в основном довольно теперешним положением и хотело бы видеть в будущем продолжение настоящего – естественно, при постоянном улучшении разных количественных показателей. Никаких принципиальных перемен большинство не хочет и их боится. И Путин внушает, что никаких особых перемен и не будет, потому что он, гарант стабильности, никуда не исчезнет.

Между тем перемены все-таки будут, и очень важные.

В своей политической культуре Россия в громадной мере остается «досовременным», традиционалистским, монархическим обществом. Такое общество не может управлять собой и не умеет само выбирать своих правителей. Правитель в традиционном обществе – как супруг в традиционной семье, «от Бога», то есть откуда угодно, но не по твоему свободному выбору, и – до смерти (твоей или его).

При этой системе власть неделима, все точно знают, кто хозяин и кого надо любить. И поэтому при этой системе живых и здоровых бывших правителей быть не может. Правителя можно убить, что происходило не раз, можно

запрятать навеки в тюрьму, как Иоанна Антоновича. Но допустить, чтобы бывший правитель «спокойно разгуливал», было абсолютно невозможно. Россия в прошлом веке дважды проходила через революции и радикально меняла идеологии. При этом она каждый раз в новых формах возрождала эту традиционную систему власти, хотя каждый раз – в ослабленном, смягченном виде.

При советской власти между единоличными правлениями возникали промежутки «коллективного руководства», а свергнутый Хрущев остался жив и даже не был посажен. Но все же периоды, когда было не совсем ясно, кто правитель, были короткими, а Хрущев фактически пребывал под домашним арестом и имя его не упоминалось. Ситуации же действующего в политике бывшего правителя в тех условиях быть не могло.

В постсоветской России система безальтернативной власти снова восстановилась, но в еще более ослабленной, чем в советский период, форме. Это проявляется, в частности, и в судьбе наших правителей. Горбачев вообще, слава богу, жив и здоров, а Ельцин добровольно ушел с поста и спокойно умер «в своей постели». Тем не менее и судьба Горбачева, и судьба Ельцина не выводят нас за рамки принципа, согласно которому «бывших правителей не бывает». Горбачев – президент другого, уже не существующего государства, падение которого было «крупнейшей геополитической катастрофой», а Ельцин, как все понимали, ушел потому, что больше физически не мог работать и хотел продлить жизнь. И ушел он действительно «на пенсию». В советской и постсоветской России появились живые бывшие правители, но еще ни разу не было «политически живых» бывших правителей.

Принципиально новая ситуация возникнет у нас только в 2008 году. Уход – вполне добровольный – вполне здорового и намеревающегося как-то оставаться в политике Путина будет означать выход за пределы традиционалистского монархического принципа. Причем основные контуры новой ситуации не зависят ни от имени преемника, ни от должности Путина. Естественно, что Путин изберет того, в ком он максимально уверен, наиболее «предсказуемого» и наименее склонного к самоутверждению. Те, кто выбирал правителя, не собираясь сами полностью уходить со сцены, всегда руководствовались этими критериями. Так верховники выбрали Анну Иоанновну, большевистские вожди – не яркого Троцкого, а серого Сталина, затем не сильного и умного Берию, а простенького Хрущева. Путин и сам был выбран Ельциным и его окружением по схожим критериям – скромный, исполнительный, по стилистике поведения напоминает о всеми любимом сериале «17 мгновений весны», за власть не боролся, предыдущему своему начальнику, Собчаку, был предан и должен быть до гроба благодарен тем, кто сделал его президентом.

Но еще ни разу не было, чтобы выбранный исходя из этих критериев правитель не пожелал показать себе и другим, что он – не марионетка в чужих руках. И до сих пор все они так или иначе избавлялись от тех, кто привел их к власти и считал, что они должны быть им «по гроб жизни» благодарны. Глупая Анна Иоанновна убрала умных верховников. Сталин расстрелял всех, кто привел его к власти. Хрущев ликвидировал «антипартийную группу». Путин постепенно убрал всех ельцинских людей и

строил свой имидж на противопоставлении имиджу Ельцина, как «анти-Ельцин». Бессильная злоба «лондонского сидельца» Березовского – это то же самое, что и бессильная злоба исключенного из партии пенсионера Молотова.

Обойти эту закономерность, по-моему, просто невозможно. Так же как невозможно представить, чтобы Путину нравилось все, что будет преемник делать.

Между тем ничего поделаться с Путиным преемник не сможет. Путин унесет с собой определенный «харизматический капитал», а преемник будет жестко ограничен установленными Конституцией сроками, соблюдение которых именно благодаря предстоящему уходу Путина сделается совершенно обязательным. Преемник будет знать, что он в самом лучшем случае – на восемь лет, а то и просто на четыре. И Путин, даже если предположить, что все это им затевается только ради четырехлетнего отпуска, что ему удастся найти человека, который клятвенно обязуется в 2012 году безропотно уйти, вновь уступив Путину место, все равно в 2008–2012 годах ничего не сможет поделаться с преемником.

На период 2008–2012 годов – гарантированно, а скорее всего и на будущее время возникнет принципиально новая для России ситуация: неполнота власти, разделение этой власти будет не временным и переходным состоянием (пока правитель не «разобрался» с теми, кто ему мешает), а стабильным и «нормальным». Власть будет жестко ограничена временем. И для общества она перестанет быть безальтернативной.

Для нашего чиновничьего класса, для нашего общества – это некомфортная ситуация. Мы привыкли к хозяину – одному, полному, очевидному и до конца. Поэтому мы так и не хотим ухода Путина, и ему приходится нас убаюкивать: «Не бойся, я никуда не уйду». Это ситуация со значительно менее определенными, чем в период 1991–2008 годов, неформальными «правилами игры», со значительно меньшей стабильностью и с очень большим веером возможностей.

И в этом веере есть возможность перейти ту черту, которая отделяет Россию от уже большинства стран современного мира, – в 2012 или 2016 году впервые избрать не того, кто «безальтернативен» (ибо он – уже начальство или на него нам указало начальство). Перейти (или, вернее, начать переход) от подражания выборам к реальному избранию президента. И от состояния народа, пребывающего в затянувшемся традиционалистском «детстве», к состоянию нормальной современной «взрослой» нации.

Модернизация российского политического сознания и российской политической системы, очень отставших в своей эволюции от всех стран европейской цивилизации и от многих неевропейских стран, идет странными и извилистыми путями. При этом агентами модернизации могут выступать совсем не самые прогрессивные и либеральные фигуры, а важнейшими актами модернизации – не самые яркие события.

Путин – фигура совсем не прогрессивная и не либеральная. Я вовсе не считаю, что Путин свернул с «демократического ельцинского пути».

Восстановление традиционной системы политической власти началось сразу же за разрушением предшествующей системы, в 1991 году. Но Путин

завершил этот процесс, и имидж Путина – это имидж не разрушителя, революционера, как у Ельцина, а имидж реставратора. И именно восстановление традиционной русской нормы (при сохранении внешних форм современной мировой нормы) обеспечило ему популярность в нашем обществе. Единственный совершенно непопулярный и вызывающий отторжение у общества его акт – это его предстоящий уход. Акт, который Путин хочет сделать как можно более тихим и будничным.

Самый непопулярный российский правитель XX века – больше всех сделавший для модернизации и раскрепощения российского общества Горбачев. Самый непопулярный акт популярного Путина – это как раз единственный его акт, который имеет громадное «модернизаторское» значение, приближает нас к зрелости и свободе, которых мы так боимся и к которым все равно тянемся. А чем мотивирован этот акт и как сам Путин понимает его последствия и значение – одному Богу известно.